

НИЙ ВАДИМОВ

СВѢТЕ ТИХІЙ

Вторая тетрадь избранных
баллад и стихотворений

1938.

2

WS(R-P)53-65944

ЛНБ України ім.В.Стефаника

00595398 (\$)

06
10

Свѣте Тихій

Молчат долины, молчат дубравы
В вечерней нѣгѣ, в ночной тиши.
О, Свѣте Тихій Святыя Славы,
Услышь моление больной души...

Звон заунывный за далью синей
Мечту уносит в далекій скит.
Под лунным свѣтом сверкает иней,
Спит над водою семья раки...

Ты, Свѣт Предвѣчный — источник жизни —
Ты создал небо Своей рукой —
Верни-же снова моей отчизнѣ
Ненарушимый, святой покой...

Молчат долины, молчат дубравы...
В душѣ скорбящей я Крест таю...
Верни нас к свѣту, о Свѣте правый,
Спаси отчизну, Господь, мою...

1920 г.

Париж.

28.057.
Лит. Библиотека
АН УССР

Весенний Ирмос

В бѣлом, чарующем плѣнѣ
Вешняго цвѣта каштаны.
Стелятся сизыя тѣни —
И голубые туманы...
Крылышком сбросила птица
Дождик вишневаго цвѣта —
Чудится, видится, снится
Слышится сердцу поэта...
Слышится яблонь молитва,
Слышится Ирмос вишневый —
Слышится: кончена битва
Слышится: радуйся снова!..
Радуйся празднику Свѣта
Радуйся празднику Мая —
Радуйся, сердце поэта!
Радуйся, даль голубая!
Кладбища дальняго тѣни
Стали темнѣй и печальнѣй...
Стал на алтарных ступенях
Инок в обители дальней.
Стал на алтарных ступенях,
Тихо молитву слагая...
Всюду — дыханье сирени —
Всюду — от края до края...
Всюду — от края до края —
Слава Единому Богу.
К Богу я вѣрную знаю
И голубую дорогу...

.
Стелятся сизыя тѣни,
Спят голубые туманы,
Дремлют красавцы каштаны
В бѣлом, чарующем плѣнѣ...

Моя Византія.

Ты знаешь-ли моря лазурный простор,
Гдѣ храм твой сіяет — Святая Софія —
Лаская и душу, и трепетный взор —
Ты знаешь-ли край, что зовут „Византія“?

.

Я вѣрю в Единого Бога Отца
Что держит во власти и Небо, и Землю —
Я вѣрю — что все началось от Творца
И данное Богом с хвалою приѣмлю...
И в Сына Его, Иисуса Христа —
Я вѣрю спокойно, обдуманно, строго —
Я вѣрю, что Тот, Кто дошел до Креста —
Был Сыном Единым Предвѣчнаго Бога...
Я вѣрю, что Свѣтом рожден был Христос
Что Сам Он был Свѣтом — равны Они Оба —
Что Он при Понтійском Пилатѣ понес
Страданія, умер и вышел из гроба...
Вѣрь, друг мой, в великое Царство Любви
И Бога напрасным сомнѣньем не гнѣвай:
Я вѣрю, как вѣрили предки мои,
Что Бог наш рожден был Пречистою Дѣвой...
И вѣрю я в то, что Живительный Дух
Витает над нами, Святой и Незримый,
Идет от Отца — и что, слава их двух,
И Духа Святого всѣ славить должны мы...
И царства небес без границ, без конца —
Страшусь всей душой ощутить я потерю,
И в Церковь единую Бога Творца —
Для всѣх и повсюду я искренне вѣрю...
Я вѣрю: настанет невѣдомый год

Из тѣх, что безсмѣнно бѣгут друг за другом —
И Он, Наш Спаситель — во славѣ придет
И каждого будет судить по заслугам...
Я вѣрю: водою смывается грѣх —
При тайнѣ Крещенья с души человѣка —
И чаю из мертвых возстаніе всѣх
Для жизни грядущей нездѣшняго вѣка!..

.

О, вѣрю я, вѣрю!.. Есть вѣчный простор,
Есть храм лучезарный — Святая Софія,
Есть город — ласкающій душу и взор —
Есть край несравненный — моя Византія!

І О Г

(ИЗ ЦИКЛА „К ЕДИНОМУ“)

... Только тот достигает счастья на землѣ,
только тот побѣждает мір — кто достигает полной
власти над своим умом и тѣлом, чья душа спо-
койна, для кого все—одно божественное существо.

Суоми Абедаганда.

... С береговой косы я вижу, как синѣя
Мнѣ улыбается Индійскій океан...
Я ниш, я наг, я бос... В окрестностях Бомбея
Я камни тяжкіе дроблю для англичан.
С береговой косы — давно я наблюдаю,
Как в наш блестящій порт приходят корабли —
Как собирается их суетная стая
И вновь расходится во всѣ концы земли...
Я юношей рѣшил отдаться знанью логи
И начал тяжкій путь... Меня знакомил с ней

Учитель и мудрец — взыскательный и строгий,
И я прошел всё пять суровых степеней...
Упорно плоть и кровь смиряла голодовка
И превращалась кость в упругий каучук.
Мой дом был там, где я... Со мной была цинковка,
Изделие моих-же сильных, гибких рук...
Я сбросил гнет страстей и тѣла злыя пугы,
Я Бога познавал... В красу надзвѣздных стран
Учитель мой ушел с камней большой Калькутты
И я побрел один чрез знойный Индостан...
Я четверть вѣка шел, попутно получая
На каждый свой вопрос—божественный отвѣт.
Я шел, все шел и шел... Со склонов Гималая
Я много раз сходил в пылающій Тибет...

.

И свѣтлый час настал!.. Я всюду видѣл Бога —
Ни мясом, ни вином я не грязнил свой дух...
Рис, молоко и мед — вот пища Жнана—Юга.
Иль счастье обезьян — иль Бог... Одно из двух...
Мелькали мѣстности... Года и дни летѣли...
Великое познав, я стал учить людей
И с сѣвера пошел я к югу, к храмам Дэли —
И через сорок лѣт дошел сюда, в Бомбей...
Я нищ... Я бью гранит — и молча наблюдаю,
Как в наш блестящій порт приходят корабли,
Как собирается их суетная стая, —
И вновь расходится во всё концы земли...
Но я постиг без них задачи Божьей власти
И вижу Божество в ничтожнѣйшем стеглѣ.
Я полный, чистый Юг — и истинное счастье
Мной познано давно на маленькой землѣ...

Бомбей, Индія 1920 г.

На одной из живописнѣйших окраин Бомбея, среди благоухающих пальмовых садов, стоят нѣсколько громаднѣх Башен Молчанія, служащих мѣстом вѣчнаго упокоенія огнепоклонников-парсов. Считаая землю и огонь предметами священными, парсы не погребают своих покойников подобно европейцам, а с особою торжественностью кладут их тѣла на плоских крышах Башен Молчанія. Особая порода диких птиц неизмѣнно дежурит на вершинѣ Башни и при появленіи новаго трупа уничтожает без остатка его тѣло, оставляя только однѣ кости, вскорѣ также разлагающіяся на составныя части под вліяніем тропическаго солнца и дождей.

Автор.

Погребальная пѣнь Парсов

Mon jard'n est orné des palmes,
Mon jardin, mon paradis, mon festin..
Dans une des tours blanches et calmes
Mes amies me portent ce matin ..

Рядами пальм мой сад украшен —
Мой сад, мой рай, мой пир, мой суд.
В одну из старых, бѣлых башен —
Меня друзья мои несут...

Сверкай, слеза моей вдовицы!
Был жив — стал мертв — моя чреда.
Там, на стѣнѣ, сѣдя птицы
Не исчезают никогда...

Там горячи под солнцем плиты —
Там неподвижен ряд камней.
В знакомой башнѣ были скрыты
Мои друзья — я буду в ней...

Я буду в ней — и вереницы
Спокойных, вѣрных Божьих слуг
Ко мнѣ слетятся... Вѣрьте, птицы,
Что я ваш раб, что я — ваш друг!

На новый пир — летите смѣло!
Призыв мой — чист, душа — чиста.
Я ваш всецѣло! Рвите тѣло
И клюйте очи и уста!..

Я к вам пришел без лжи и злости,
Я — и ничтожен, и высок.
Вода дождей омоет кости,
Пройдет чрез уголь и песок,

И мною чистым, мной хрустальным,
В честь Вѣчной Жизни Красоты —
Жрецы с напѣвом погребальным
Польют в саду моем цвѣты...

Бомбей, 1920 г.

Из цикла „Цвѣты тайн“

I

... В темныя осеннія ночи, на недостижи-
мых для простых смертных горных вершинах—яр-
ко вспыхивает нездѣшним свѣтом чудесный цвѣ-
ток тысячелѣтника—Аменфилиса.

Аменфилис — таинственный цвѣток юных и
нѣжных влюбленных, неожиданно погибших от руки
ревнивца.

Тысячелѣтник-аменфилис разцвѣтает один
раз в тысячелѣтье на единый миг.

Но его разцвѣт все-же доступен взору поэ-
тов и других служителей чистаго духа.

Автор.

Тысячелѣтник

(АМЕНФИЛИС)

Так было... Так вѣщают струны...
Так было в дальній, жуткій час.
Двѣ полных жизни, жизни юных,
Сошлись на миг единый раз...

Сошлись, сливаясь в поцѣлуѣ,
Но жизни — счастья было жаль,
И кто-то третій встал, ревнуя
И вбил в сердца нѣмую сталь...
И двѣ души в простор загробный
Ушли навѣк в жестокий час,
И бросил сталь ревнивец злобный,
И стон пронесся — и угас...
И с той поры под ширью звѣздной
Творец творит Свой тайный суд,
И двѣ души, сойдясь над бездной,
В тысячелѣтникѣ цвѣтут...

На гребнѣ скал, под ширью звѣздной,
Гдѣ смертных сил безсилен взор —
На миг один встает над бездной
Тысячелѣтник — тайна гор...
Чу, тише! Вот он, Аменфилис! —
Их два открылись под луной —
Открылись два — и вновь закрылись,
Сверкнув неждѣшной бѣлизной.
И вновь покой и мрак стремнины...
Лишь чей-то смертный гаснет крик...
Тысячелѣтник на единый
Цвѣтет лишь миг — единый миг...
Не жди напрасно, гость случайный
Далеких мѣст и чуждых гор:
Не вспыхнет дважды, полный тайны
Тысячелѣтника узор.
И как могу тебя узрѣть я,
Мой Аменфилис, в новый час —
Когда в одно тысячелѣтье
Цвѣтешь ты раз, единый раз!
Но образ твой, что так неожиданно
Сверкнул во тьмѣ на миг один —
Я унесу в иныя страны —
В просторы скучные равнин...

Так было... Так вѣщают струны —
Так было в дальній, жуткій час:
Двѣ полных жизни, жизни юных
Сошлись на миг единый раз...

... По существующему в горных областях повѣрю, человек, достигшій недоступных горных вершин и сорвавшій там цвѣток растущаго среди снѣгов эдельвейса—обрѣтет неземное счастье.

Стремясь сорвать недоступный цвѣток эдельвейса—многіе искатели счастья погибают, срываясь в пропасть с крутых горных склонов.

Но не истинное-ли счастье в смерти и уходѣ в безконечность и вѣчность?

Автор.

Эдельвейс — Цвѣток вершин

Там, гдѣ все простор и дали, там, гдѣ горы увѣнчали.
Бѣлоснѣжныя вуали, гдѣ надвѣчный сон один —
Там, в средѣ нѣмой, морозной, под покровом ночи звѣздной
Вырос я: святой и грозный, друг людской печали слезной
Эдельвейс — цвѣток вершин...

Там, внизу, в долинах — время. Там часов и мѣры бремя.
Там — повсюду сѣет сѣмя изступленный ангел Зла.
Там — столѣтье за столѣтьем зло дарит он Божьим дѣтям
И людей к преступным сѣтям,—тянет дьявольская мгла
Лаской звуков и тепла...

Здѣсь — молчанье... Здѣсь — просторы. Здѣсь — мороз,
снѣга и горы,
Здѣсь — причудливы узоры трещин сѣрых, стойких скал.
Равнодушны эти скалы: миг, вѣка, конец, начало —
Все им суетно и мало, все ничтожно и смѣшно —
Незнакомо им людское!.. Пронесется лишь порою
Горный вихрь, пахнув тоскою... Здѣсь Творец своей рукою
Посадил мое зерно —
И в снѣгах — возшло оно...

Приходи!.. Забудь печали!.. Окружи броней из стали
Все, что в сердцѣ, все, что знали до того часы твои,
И — иди ко мнѣ, на кручи, в мір снѣгов, гдѣ высь и тучи,
Гдѣ свободный и могучій Ангел носится любви!
Приходи — я дам забвенье... Я — цвѣток — полувидѣнье,
Чуждый времени и тлѣнья, чуждый злобы и вреда.
Приходи — покинь земное... Двинься вѣрною стопою —
К вѣковѣчному покою, гдѣ гуляют туч стада —
Смѣло шествуй навсегда!..

В свѣтлѣйшій час

(ИЗ ИНДУССКИХ ПЪСЕН)

... Существует теорія о сродствѣ душ, в особенности близкая людям сентиментальным. Супружество может быть безмятежно счастливым только при сродствѣ душ супругов, для чего эти души должны встрѣтиться на их жизненном пути, безразлично гдѣ и когда. Но люди, вѣрящіе в безсмертіе души, не должны отчаиваться, если в теченіи их земной жизни сродственная душа не встрѣчена ими на земной дорогѣ. Вѣчное супружество сродственных душ все равно соединит их и послѣ смерти, в безконечности и вѣчности, в краю неугасаемаго свѣта и любви.

Автор.

Тебя, рожденную из звѣзднаго тумана,
Сошедшую ко мнѣ по искристой тропѣ,
Ищу вездѣ, всю жизнь — бесплодно, неустанно
Среди живых людей, в их суетной толпѣ.

В толпѣ безсмысленной, гдѣ слов и лиц так много,
Тебя, о Свѣтлая, найти я не могу.

Я потерял свой путь, забыл свою дорогу —
Я, пилигрим чужой на здѣшнем берегу...

И все-ж — я жду тебя... Быть может, власть
Господня

Моих земных часов измѣнит скорбный бой
И в час — свѣтлѣйшій час — за миг... за вѣк...
сегодня —

Моя безсмертная — увижусь я с тобой!..

Я знаю: ты живешь — но там, за гранью свѣта.
Я знаю — ты живешь — но там, в странѣ иной,
Гдѣ все — нездѣшнее, гдѣ лаской все согрѣто
И гдѣ в свѣтлѣйшій час ты встрѣтишься со мной.

Сингапур 1920 г.

— о —

ЧЕТЫРЕ ЦАРЕВНЫ

Мы — четыре царевны.
Мы — безкровны, безгнѣвны.
Мы — лишь тѣни...
Мы — земныя ступени
Всѣх страданій познали.
Мы — дорогой печали
Через рѣки и дали —
Через шири Сибири
Мы четыре —

Блѣдных, мертвых царевны
Проплываем укором
По синѣющим борам
Через поля и равнины,
Через шири Сибири,

Мы четыре —
В полночь — путь безконечный
Совершаем. Мы — вѣчны,
Мы у Бога.

Вас — не судим мы строго —
Мы, четыре царевны,
Безгнѣвны...

„Часовой“ 1931 г. Париж.

Из цикла „Города“

П а р и ж

... Я вновь в твоём кольцѣ...
Знакомый, пряный запах,
Движеніе и шум
Безчисленных машин...
Все тот-же Монпарнасс,
Бельфор на мѣдных лапах,
В туманах, над Ситэ,
Все тот-же исполин. *)
Все та-же суэта
Красивѣйшей столицы —
Ристалище цвѣтов,
Приманок и огней
И гдѣ-то, в облаках —
Все тѣ-же колесницы
Дворца художников,
Вздыбившія коней...
Спокойный ряд мостов,
Прильнувших к мутной Сенѣ
И к ночи, над Пасси
Пылающій закат,
И тѣ-же в глубь земли
Сходящія ступени —
Гдѣ быстрыя „Метро“
Несутся и стучат...

.
Но я ловлю мечтой
Иные дни и годы,
Когда грозила смерть
Столицѣ из столиц —
Когда таила тьма —
Твои дворцы и своды —
И больше было слез,
Чѣм оживленных лиц...
Я знал иные дни,
Когда под черным флером
Ходили женщины,
Сокрыв свои черты,
И рѣяли враги
Над царственным простором,
Желѣзо и огонь
Свергая с высоты..

*) Собор „Notre Dame“.

А там, за Марною
И на полях Аргонны —
Росли все и росли
Ряды твоих могил —
И страшен был тогда
Верден окровавленный
И был твой Монпарнасс,
Как кладбище, уныл.
Но близок был мнѣ ты
В часы минувшей страды,
И я любил твои
Бульвары и сады —
И шли в жестокий бой,
Храня твои громады,
С твоей—Париж—земли—
Мнѣ близкіе ряды!.. *)
Но мчится, мчится в даль
Стремительная Лета —
И вот — я вновь живу
Твоею суетой —
Слѣжу за блестками
Искусственного свѣта,
Бросаю взгляды в даль
В туман ея густой..
Но мнится: я один
Храню воспоминанья —
Тобою-же забыт
Минувший грозный шквал.
Ты блещешь, как и встарь —
А я — брожу в изгнаньи —
И ночью сторожу
Далекій твой квартал...

Написано на ночном дежурствѣ во время
службы в бригадѣ парижских ночных сторожей.

Париж, 1930 г.

П р а г а

(НОКТЮРН)

Залита ярким солнцем золотая Прага—
Древній город, пережившій столѣтья.
Гонит свои воды быстрая Влтава
Тянутся к небу сѣдя Градчаны...

*) Русскія войска на французском фронтѣ в 1916—17 гг.

Гонит свои воды быстрая Влтава,
У рѣки стоит вѣковая, темная башня—
Много слез текло у ея подножья —
Много крови впитали каменные плиты,
Много горя носилось над старою Прагой...
Неподвижен взор вдохновеннаго Гуса... Он знает
Что не легка борьба за правое дѣло,
Что не розами путь правых усѣян.
Вмѣстѣ с Гусом знает это и старая Прага...

Набѣгает вечер... Уходит яркое солнце...
Поднимаются над Влтавой свинцовые туманы —
Густой пеленой закрывают они город,
Но не могут поглотить сѣдыя Градчаны —
По прежнему видны их стройныя вышки:
Тянутся онѣ к чистому небу
И влекут за собою к небу старую Прагу...

Прага 1919 г.

Терцины Варшавы

И. А. Л.

Твой образ я носил в далекіе края —
Сирена гибкая, смотрящая Мадонной, —
И часто, в дни тоски, стальная чешуя
Твоя мнѣ чудилась... Манящій и бездонный
Мерешился твой взгляд. Плѣнительный фарфор
Твоих живых плечей ласкал я в грезѣ сонной...
И вот, я на яву опять твой вижу взор —
В Саксонском подхожу к журчащему фонтану,
И бликов солнечных причудливый узор
Я вижу на пескѣ... Иду к „Святому Яну“
По узким улицам, минуя Короля
С крестом и саблею. Над Вислой молча стану —
Ганзейских дней подобье корабля
Под сводом Фуккера узрю на „Мѣстѣ Старом“,
Гдѣ жар венгерских вин хранит твоя земля —
И на „Краковское“, с его цвѣтным угаром
Меня выносит жизнь... Я вижу пьедестал
Творца „Тадеуша“... Лазенок тихим чарам
Я поддаюсь легко...

О, как давно я знал
Сирену гибкую, смотрящую Мадонной!...
Со мною вновь твой взгляд, манящій и бездонный,
И „Уяздовских“ кушч весенній, пестрый бал!

ВИЛЬНО

(АККОРДЫ)

Посвящается С. И. Налъянчу.

Я вновь в зеленых снах, украсивших обильно
Неудержимое
Стремленье Виліи — *)
И, как в былые дни, мнѣ повѣствует Вильно
Полузабытыя
Сказанія свои...
И, как в былые дни, я вновь иду дорогой
Средь лип Антоколя **)
Спокойных, как и встарь —
И сосны тихія хранят все так-же строго
В Закретских зарослях
Засыпанный янтарь...
И, воздыбив коня, Георгій тот-же самый
Над сѣрой улицей
Годами мчится вдаль —
И слѣпо тянутся к подножью Острой Браны
Надежды женскія
И женская печаль...
А в брызгах солнечных — веселый пир свободы
И смѣх, и взмахи рук
Над быстрой Виліей—
И дальше к Нѣману ея стремятся воды,
И гдѣ-то встрѣтятся
С Балтійскою струей...
И чувствуется — что год опять пройдет за годом,
А за годами — вѣк —
И дальше — вновь вѣка,
Но будет течь слеза под Остробрамским сводом—
И жить стремленіем
Веселая рѣка...
И так-же три креста своей семьею строгой
Останутся стоять
У виленской черты —
А я, в ничтожествѣ — уйду своей дорогой
За грань забвенія,
Куда уйдешь и ты...

Вильно-Тускуляны 30 іюля 1933 г.

*) Слова „Виліи“ и „Виліей“ слѣдует читать с удареніем на послѣдних слогах — „и“ и „ей“.

**) Удареніе на втором слогѣ, т. е. так, как вообще говорят в Вильнѣ.

Скала Сербов

(Из сербскаго поэта
ДЖУРЫ ЯКШИЧА)

Я знаю в Сербіи скалу:
Сквозь облаков сѣдую мглу
Она вершиной в небосвод
Ушла... Идет за годом год,
Бѣжит, течет времен рѣка —
Скала стоит, стоит вѣка...

Когда-то камень этот был
Славян твердыней... Много сил
И много крови стоил он
Для тѣх, кто честь своих знамен
Через столѣтія пронес...
И сербов кровь впитал утес
И что ни ночь — видѣній ряд
Плывет, как много лѣт назад
Над камнем... Грозною стѣной
Стоят под трепетной луной
Герои-сербы... Их четы *)
Разят врагов из темноты.
Турецких сил за ратью рать
Идет вперед... Но им не взять
Скалы завѣтной... А рѣка
Бѣжит вперед, бѣжит вѣка...

Не тронь утеса, вольный сын
Своей Отчизны! Он один
Тебѣ повѣдает порой,
Как был жесток турецкій строй,
Как за свободу в страшный час
Лилася кровь отцов за вас, —
О том, как много женских слез
Впитал в себя сѣдой утес. —
Лишь камень может вам сказать,
Что значит Родина и Мать!

*) Чета—у южных славян отряд, артель.

Бѣлград 1928.

ПАРУС

(Из сербского поэта И. ШАЙКОВИЧА)

Посв. поэту Г. Соргониу.

Как вѣщій ворон, парус темный
Стал над ладьей во весь свой рост,
И небосвод, нѣмой, огромный,
Чернѣл без мѣсяца и звѣзд...

Вокруг меня шумѣло море,
И падал град смертельных пуль,—
Я изнемог, с бѣдою спора,
И бросил парус, бросил руль...

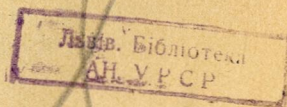
Но вѣра теплилась незримо
И чей-то голос слышал я:
Плыви вперед! — Творцом хранима
Твоя печальная ладья!

Плыви вперед и неустанно
Все вѣрь и вѣрь в конец невзгод,
Пока прекрасный и желанный
Во тьмѣ луч солнца не блеснет...

.

И вѣра, тлѣя, устояла..
Мой челн пронесся через шквал,
И берегов святых начало
Я вмѣстѣ с солнцем опознал...

25.051

Купава

24-го іюня

Поэту А. А. Кондратьеву.

... В высоких травах, во тьмѣ полночной,
В безбрежных далях лѣсов, болот,
В глуши оврагов — в свой час урочный
Иван Купала — идет, бредет!..

Идет Купала дорогой синей,
Вскрывая тайны рѣчного дна —
И млѣет запах лѣсной полыни,
И млѣет сумрак и тишина...

И в час урочный и величавый,
За темной далью лѣсов и гор,
Во славу свѣтлой моей Купавы
Я зажигаю огонь-костер!

И свищет пламя над спящим лугом,
И духи-вѣдьмы сомкнулись в ряд,
И вьются в смѣхѣ — и друг за другом
В блестящих искрах — летят, летят...

И пир и хохот! С ветлы крѣпкой
Сползает призрак. В тоскѣ, в бреду
Тебя ищу я, моя Купава,
Ищу повсюду... Ищу и жду!..

Я жду, Купава! Смѣются лица
Других русалок в потокѣ чар,
А пламя хлещет! А пламя злится
И рвется в небо! Пожар, пожар!

И темных духов на поединок
Я вызываю со дна болот...
По узким змѣйкам лѣсных тропинок,
В вѣнкѣ из бѣлых рѣчных кувшинок,
Моя Купава — идет, идет!

Баллада карнавала

(АККОРДЫ ФЕВРАЛЯ)

Баллада зимы—ледяная баллада—кто этой баллады не знал?
Баллада измѣн, суеты, маскарада—баллада паркетов и зал...

Вот—маски, и фракы, и ленты, и звуки—душисто, свѣтло
и пестро...

Атласныя плечи. Манящія руки. Маркизы, Пьеретты, Пьеро...
Так много веселья, улыбок и свѣта, так много в бокалах вина.
Ушла от Пьеро хохотунья Пьеретта, ушла, как уходит волна...
И плачет Пьеро в полутьмѣ у колонны, об'ятый ревнивой
тоской,

И давит аккордами вальс монотонный — и давит колпак
шутовской...

А маски—смѣются и шутят, и рады—и глупость плѣняет умы —
И выются из звуков и красок баллады—хрустальные сказки
зимы...

Пьеретта — с Маркизом... Смѣется так странно... Любовью
звучит голосок...

Мерещится выстрѣл... Мерещится рана — кровавая рана
в висок...

Но мчатся—веселье, аккорды и краски—и вьется баллада зимы
Атласныя плечи, веселыя маски

. А гдѣ-то — холмы и холмы...

А гдѣ-то поют над погостом метели—и хлопья летят с высоты,

И бѣлыя ризы на плечи одѣли кресты на могилах... Кресты...

А гдѣ-то безбрежныя стынют равнины... А гдѣ-то—и голод,
и мор —

И выхода нѣтъ из тоски и кручины, с Уральских спустив-
шихся гор...

Но—вьется кругом маскарада баллада—и все в ней легко
и пестро —

И плачет под кущами зимняго сада покинутый, блѣдный
Пьеро...

Как страстно любил он... И вот вам — награда!.. Тррах! —
выстрѣл во тьмѣ прозвучал...

Баллада зимы—ледяная баллада — баллада паркетов и зал...

Маяк Доброй Надежды

ИЗ МОРСКИХ БАЛЛАД *)

Посвящается Татьянѣ Владиміровнѣ Котляревской

Сроднившійся с черной скалою—
Как Божій таинственный знак—
Свой луч посылает в пучину
Наш старый, высокій маяк...

— — — — —

Отец мой, столѣтній фонарщик,
Очами орлиными в дали
Все смотрит и смотрит, не зная
Ни радостных дней, ни печали...

И я — его старая дочка,
Без ласки увядшая рано,
Смотрю от разсвѣта до ночи—
Все в ту-же тоску океана...

Мы смотрим—и видим годами
Одни лишь небесныя хмури
И слышим все тѣ-же раскаты
Зловѣщей, неистовой бури...

А ночью, когда в океанѣ
Все мраком и страхом одѣто,
Мы тьму прорѣзаем лучами
Спокойнаго, бѣлаго свѣта...

Ревет освѣщенное море,
Но волны—иные, чѣм прежде:
Рефлектор наш—гасит их ярость
Рефлектор наш—служит Надеждѣ...

— — — — —

Когда-то, давно, за вѣками
В тысяча триста девятом —
Бѣлая шла Каравелла **) ***)**
Этим простором проклятым...

*) Вольное переложение с польскаго.

**) Каравелла—средневѣковое деревян-
ное морское судно, напримѣр — Каравелла
Колумба „Святая Марія“.

Бѣлая шла Каравелла
Гордая шла — и побѣдно
К счастью неслась — и погибла
И потонула безслѣдно...

И потонула, а слѣдом
За Каравеллой — армада
Мчалась пиратов — свободных,
Как лебединое стадо...

Рѣяли пестрые флаги,
Пѣсни гремѣли в просторѣ
И благовонныя розы
Сыпались в черное море...

Пѣсни гремѣли в просторѣ,
Полныя вѣры и власти:
„Мчимся мы в даль без печали—“
„В даль—за невѣдомым счастьем“.

„Мчимся за счастьем безбрежным“
„Слава нам, вольным пиратам!“

— — — — —
И потонула армада
В тысяча триста девятом!.

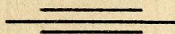
— — — — —
Смотрит отец мой согбенный
В темную даль океана...
Так же, как прежде, над нею
Сизые ходят туманы.
Так же, как прежде, бушует
Вѣтер над пѣною бѣлой.
Смотрит отец мой и шепчет:
„Скоро всплывут Каравеллы!“
Шепчет: „о, дочка родная“
„Скоро прекрасной чредою“
„Их лебединая стая“
„Встанет над черной водою!“
„Дочь моя, дочь моя—чую:“
„Воля творится Господня!“
„Смѣло направь свой рефлектор“
„В эту пучину сегодня!“

„Вѣрю—о, вѣрю я—близок“
„Бѣлый корвет Господина!“
„Чую я: дышит цвѣтами—“
„Дышит весною пучина!“
„Дочь моя! Я — умираю“
„Чую армаду пирата!“
„Дочка! Ты будешь счастливой“
„Дочка! Ты будешь богата!“...
— — — — —

Молча смотрю я в нѣмую,
В черную даль океана
И ничего в ней не вижу,
Кромѣ дождя и тумана.
Рыщет по черным просторам
Луч ослѣпительно-бѣлый —
„Полно, отец мой! Ты—гредишь“
„Гдѣ-же твои Каравеллы?“
„Гдѣ-же корвет Господина,“
„Розы и флаг его бѣлый?!“
— — — — —

Рядом со мною—молчанье —
Рядом — бездушное тѣло..
Стынет столѣтній фонарщик —
Но над покойным, как прежде,
Ярко горит мой рефлектор
Служит он доброй Надеждѣ!
— — — — —

Сроднившійся с черной скалою,
Как Божій таинственный знак,
Свой луч посылает в пучину
Наш старый, высокій маяк!

Св. Евангелист Лука

(Из польского поэта Ч. Ястшембец-Козловскаго)

Посв. поэте ссѣ **Л. Сѣницкой.**

Свершилось! Савел обращен! — Он старый путь навѣк оста-
вил —

Он Рима раб и враг любви — Он, безсердечный, страшный
Савел!

Тот, кто казнил, как злой палач, и чьей душой владѣли змѣи,
Кого не трогал вдовій плач, кого хвалили фарисеи —

Он — обращен на Свѣтлый путь — он новых дней считает
звенья

И бьет себя, рыдая, в грудь, повѣрив в Тайну Воскресенья.
Он вѣрит в Тѣло, вѣрит в Кровь, он вѣрит в Таинство
Христово—

И вмѣсто Савла—Павлом стал сей человек во имя Слова...

И Слово Павлово звучит перед народом не впервые —

И вдохновен, и полунаг приходит Он в Антиохію:

„Гдѣ, братья, мог-бы я пріют найти с Христом моим
любимым?

Я бѣден, сир—и я гоним огнемъ Цезарем и Римом“

Вѣщают братья: „Не легка, о Павел наш, твоя дорога

Но есть в сем городѣ **Лука**, своей душой познавшій Бога.

Он—врач, художник и мудрец, к нему гряди, во имя Слова—

И ты найдешь себѣ пріют и сохранишь зерно Христово...

И так—от **Павла** вопріял Лука свѣтлѣйшее ученье —

И был крещен, и Свѣт познал, и вмѣстѣ с Павлом на
ступени

Он восходил к Лицу Того, Кто возсѣдал на Божьем Тронѣ —

И проповѣдывал Лука в Ефесѣ, Тирѣ и Сидонѣ...

Прошел Он цѣль различных стран — и всюду Крест Гол-
гофскій славил

И был вездѣ Святой **Лука**, гдѣ был Святой Апостол Павел...

Влагая душу в Письмена — **Лука** твореньями своими —

Повѣдал нам, как суждена была Голгофа в шумном Римѣ

Святому **Павлу**—и как Он, его учитель, принял муки —

С небесной радостью отдав свой вѣчный дух в Христовы
руки...

И на восьмом десяткѣ лѣтъ, **Лука**, живя в сіяньи чистом —

Покинул наш грѣховный свѣтъ, великим стал Евагелистом.

Таков был врач иных времен, что міру Истину оставил —

И с кѣм, Небесный видя Трон, шел по землѣ Апостол Павел!..

Г. Ровно, февраль 1937.

Л ѣ с т н и ц а

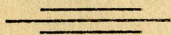
Я вижу лѣстницу. Она—уходит в гору,
В безбрежность вѣчности. Над нею—Божья сѣнь.
Под сѣнью — Божій трон. Быть может, очень скоро
Заблещет каждому лазурный, ясный день.

Я вижу лѣстницу. Раскинулась широко
Громада ступеней. Открыта Божья дверь.
Желай. Терпи. Пройдешь. Всевидающее око
Слѣдит за страждущим. Желай, терпи и вѣрь...

Безсильны дьявола высокія преграды...
Кто хочет — тот пройдет без ропота и слов —
Пройдет, но лишь с Крестом... Страдать и вѣрить надо...
Милліоны душ людских и столько же Крестов...

Есть души, что несут свой Крест в спокойной вѣрѣ —
И есть — что мечутся... И все-ж, ударит час —
С Крестом Страданія пройдет в Господни двери
Душа послѣдняя — и Свѣтъ обнимет нас...

И в этот дивный миг страдающую Землю
Оставит навсегда Христом сраженный Бѣс...
Я вижу лѣстницу. Я взором воспріемлю —
Собор Архангелов! Гремят их трубы! Внемлю
И чую, червь земной, пришествіе Небес!

Издание автора

Всѣ помѣщенные в сборникъ стихотворенія были послѣдовательно напечатаны в нижеслѣдующих періодических изданіях:

- 1) „Новое Время“ М. А. Суворина—Бѣлград 1928—1930 гг.
- 2) „Россія и Славянство“—Париж 1929 г.
- 3) „Часовой“—Париж 1930 г.
- 4) „Русское Слово“—Варшава—Вильно 1933—1936 гг.
- 5) В книгѣ „Гдѣ-то“ того-же автора, Бѣлград 1930.
- 6) В книгѣ „К Единому“ того-же автора—Бѣлград 1929.
- 7) В изданіях „Слово“ и „Воскресное Чтеніе“—Варшава 1934—1937.

Вскорѣ 2-м изданіем выйдет первый сборник Е. ВАДИМОВА
„Русская Культура“

0,72 (1987)

6718

РЛ

У

НИЙ ВАДИМОВ

528

СВѢТЕ ТИХІЙ

Вторая тетрадь избранных
баллад и стихотворений

Кремль
См. 1 стр.

1938.

В-86

2